

Секция «Региональные проблемы мировой политики»

Курдская проблема в современной Турции

Вагина Виктория Олеговна

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, Кафедра регионалистики и евразийских исследований, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Курдская проблема в современной Турции

В.О. Вагина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Введение

Политические конфликты в Евразийском регионе в последнее время являются ни редкость и часто, просматривая современные новости, можно наткнуться на описание вооруженных конфликтов в этом регионе. Проблема регулирования политических отношений занимает одно из центральных мест в общественной и политической жизни многих стран Востока. Это подтверждается хроникой последних десятилетий почти во всех государствах Азии и Африки - от стран Магриба до Филиппин и Индонезии. Общие процессы и закономерности этнонационального развития на Востоке заключаются в том, что в восточных обществах, с одной стороны, наблюдается процесс этнической и/или национальной мобилизации, а с другой стороны, модернизационные тенденции в экономике и политике, которые, казалось бы, должны были сплотить общество, на самом деле открывают дорогу различным формам этнического партикуляризма. Нередко подобные тенденции протекают здесь в иных условиях, нежели на Западе, и под воздействием ряда факторов, не игравших существенной роли на сопоставимой стадии развития западных полиэтнических районов мира.

В своей работе я бы хотела уделить внимание политическому конфликту в Турции. Эта страна, не обладая сложным этническим составом населения, оказалась в эпицентре трудноразрешимого конфликта, а особая ситуация в стране, когда этническое меньшинство курдов было практически лишено прав, также делает этнонациональную ситуацию в Турции непохожей на процессы в других странах. Своеобразие этнической ситуации в стране обусловлено наличием крупного этнического меньшинства курдов, составляющих не менее 12% от общей численности населения, с одной стороны, и тенденцией к общетурецкой интеграции, «строительству нации» и фактическим непризнанием официальными кругами страны полиэтнического характера государства - с другой.

Многими исследователями курдский вопрос рассматривается как историческая категория и политическая проблема, требующая определенного ответа. В настоящее время большая часть курдов проживает на территории современных Турции, Ирана, Ирака и Сирии и практически во всех этих странах на соответствующих этапах истории суть курдского вопроса составляла борьба курдов за предание определенного политического статуса своему народу (независимость, автономия, федерация). Поэтому курдский вопрос объективно стал фактором политической жизни всех государств Западной Азии, где проживают представители этого народа.

Данная работа является попыткой анализа этнополитического конфликта в Турции, влияния политической системы страны на характер протекания затяжного этнического конфликта.

Слагаемые курдской проблемы в современной Турции

Если не углубляться в давние исторические составляющие курдской проблемы в Турции, то современный конфликт необходимо рассматривать в историческом континууме XX в. Кризис османской государственности второй половины XIX в. и последующее крушение Османской империи в начале XX столетия пришлись на период расцвета европейского национализма. Турецкая Республика, создание которой Мустафа Кемаль провозгласил 29 октября 1923 г., строилась на совершенно иных принципах и основах, по своей сути отрицающих османское наследие. «Архитекторы» новой Турции видели ее централизованным, вестернизированным, унитарным государством-нацией. Неслучайно, что в центр государственной идеологии Кемаль поставил именно нацию, определяя ее не по этническим или религиозным принципам, а исключительно по модели гражданского национализма - все проживавшие на момент провозглашения республики на территории Турции объявлялись турками. В Конституции 1924 г. и правительственных постановлениях Турецкая Республика никогда не определялась как этническое государство, однако, акцент официальной риторики кемалистов именно на «турецкой нации» и многолетнее отрицание этнической самостоятельности курдов заложили основу кемалистской политики в курдском вопросе, с одной стороны, и курдского сопротивления, с другой [2]. Курды стали единственным из национальных меньшинств современной Турции, которое не смирилось с кемалистским курсом на культурную и политическую ассимиляцию. Курды с самого начала отказались становиться «новыми турками» и признавать свое подчиненное положение, ссылаясь на положения Севрского мирного договора 1920 г., по которым турецкие курды имели право поставить перед Лигой Наций вопрос о провозглашении собственной независимости. Однако Лозаннский мирный договор 1923 г. перечеркнул надежды курдов получить обещанную великими державами независимость.

Насильственная секуляризация общественной жизни и ускоренная модернизация, ставшие символами кемалистских реформ, выстраивание жесткой вертикали власти на местах, централизация налогообложения и хозяйственной жизни - все это закономерно вызывало резкое неприятие и недовольство в юго-восточной Анатолии, где столетиями, в условиях отсутствия жестко централизованной государственной власти, жили курды, арабы, ассирийцы и многие другие этнические группы. Население этих областей активно выражало свое недовольство - 1920-е годы стали временем регулярных восстаний курдов, однако, они несколько не скорректировали траекторию кемалистских преобразований.

Восстание в Дерсиме 1937-1938 гг. - небольшой провинции Восточной Анатолии, населенной по преимуществу курдами и переименованной в 1935 г. в Тунджели (дерсимская резня - по определению Реджепа Тайипа Эрдогана, официально признавшего эти события в 2009 г.) в определенном смысле стало водоразделом в развитии курдской проблемы в Турции, поскольку именно в это время у курдов оформляется чувство ущемленности интересов и негативное отношение к турецкому государству [2].

Вплоть до начала 1980-х годов власти Турции настойчиво отрицали существование курдского вопроса, продолжая использовать для идентификации курдов формулировку Лозаннского договора - «горные турки». Невысокая активность курдского национально-го движения позволяла правительству относительно успешно купировать курдскую проблему и держать ее под определенным контролем. Курдское население юго-восточных районов Анатолии продолжало жить достаточно обособленно, сплачиваясь на основе племенных связей и патриархальной самобытности.

После переворота 12 сентября 1980 г. пришедший к власти военный режим был убежден, что репрессивными мерами удалось справиться не только с политическим насилием

1970-х годов, но и со всеми радикальными группами в Турции. Между тем руководство РПК (Рабочая партия Курдистана) во главе с Абдуллой Оджаланом эмигрировало из Турции на территорию Сирии, где в течение нескольких лет накапливало силы и ресурсы, вело активную пропаганду в курдских районах Турции, пользуясь тем, что правительство предпочитало игнорировать деятельность РПК. Поэтому власти фактически оказались неготовы к новому витку противостояния с курдами и атакам боевиков РПК в 1984 г. в Хаккари и Сиирте.

Это стало началом вооруженной борьбы за создание на территории Турции независимого курдского государства. Достаточно быстро отдельные вооруженные стычки между боевиками РПК и правительственными силами безопасности переросли в полномасштабную гражданскую войну в юго-восточных районах Турции, в результате которой активность РПК стала прочно ассоциироваться с террористической деятельностью, а ущемление прав курдского населения стало приобретать в 1990-е годы пугающие размеры [1].

Курдское урегулирование в 1990-е годы: фактор ЕС

В начале 1990-х годов курдский вопрос вошел в перечень базовых тем переговоров Анкары с Евросоюзом. Терракты на юго-востоке Турции, жесткие меры в отношении гражданского населения курдских районов, на территории которых действовал специальный режим чрезвычайного положения (примеры жестокостей часто выплескивались на страницы газет) - все это объясняло внимание Брюсселя к турецким курдам. Однако, этого все же было недостаточно для превращения курдского вопроса в один из ключевых сюжетов переговоров о вступлении в ЕС. Главную роль в международной политизации конфликта сыграли курдские активисты-правозащитники, широко использовавшие всевозможные политические и правовые механизмы различных Европейских международных организаций для фиксации правонарушений в отношении курдского меньшинства, отстаивания своих прав и давления на правительство с целью инициировать политические преобразования [1].

За 1990-е годы у курдов сформировался символический образ «Европы», готовой помочь им в борьбе за справедливость и собственную государственность. Это собирательное понятие конкретизировалось не в самом ЕС как модели общеевропейского государства, а в таких структурах, как Европейский суд по правам человека. В то время как турецкие суды предпочитали смотреть сквозь пальцы на факты нарушений базовых прав и свобод турецких курдов, юристы из Диярбакыра при поддержке британских правозащитников и помощи представителей курдской диаспоры в Европе успешно наладили механизм отстаивания прав курдов в Страсбурге. Определения, которые выносил Европейский суд в 1990-е годы в адрес правительства Турции, фиксировали масштабные нарушения прав гражданского населения курдских районов и многочисленные факты ухода от ответственности виновных в этих нарушениях.

Решения Европейского суда негативно отражались на международном имидже Турции и в определенном смысле опровергали утверждения официальной Анкары о том, что силы безопасности занимаются исключительно борьбой с террористами. Однако, это едва ли могло стать импульсом для изменения ситуации. Только перспектива вступления Турции в Евросоюз, активизация переговоров с Брюсселем в 1999 г. и административно-политические реформы в рамках Копенгагенских критериев открыли новый коридор возможностей. Как это было, например, и после окончания Второй мировой войны, когда Турция, ставшая одной из стран - учредителей ООН и первых членов Совета Европы, ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека, стремясь тем самым подчеркнуть свою приверженность принципам современного мира и западной цивилизации.

Реформы, на которых настаивал Брюссель, были направлены на укрепление демократических институтов и установление контроля за соблюдением прав человека. Все это воспринималось большинством турецкого общества достаточно позитивно, с учетом перспективы полноправного членства в ЕС и новых возможностей для экономического развития. Нерешенный курдский вопрос выступал серьезным препятствием на пути реализации европейских амбиций Анкары. Признание базовых гражданских прав курдского меньшинства выглядело разумной платой за вступление в единую Европу.

Однако, такие уступки могли удовлетворить курдов только на начальном этапе и их ограниченность, закономерно, очень скоро стала вызывать растущее раздражение. До 2000-х годов, когда курдские районы на востоке и юго-востоке Турции управлялись в особом режиме чрезвычайного положения, требования курдов в большинстве случаев ограничивались защитой базовых гражданских прав. В ту пору политические убийства и внесудебные расправы, принудительное переселение и другие акты насилия со стороны сил безопасности в отношении курдов были обычной практикой. Курдские политики и сторонники РПК считали прекращение перманентного напряжения и конфликта, возврат к нормальной жизни на юго-востоке Турции главным приоритетом. Европейские представители рассматривали это как удовлетворение законных прав курдов и обязанность властей страны, претендующей на членство в ЕС.

Правительство Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшее к власти осенью 2002г. под лозунгом вступления Турции в Евросоюз, отменило особый режим чрезвычайного положения в курдских районах, приняло специальные постановления, гарантирующие защиту от пыток при допросах, сняло ограничения на свободу слова и собраний. Уступки, на которые пошло правительство, явно выглядели несущественными на фоне выгод от перспективы вступления Турции в ЕС. Эти меры не только положили конец систематическому нарушению прав человека в курдских районах и свели к минимуму иски против турецкого правительства в Европейский суд по правам человека в Страсбурге, но и способствовали укреплению позиций правительства ПСР внутри страны, прежде всего по отношению к военной элите, долгие годы считавшей себя главным субъектом политического процесса.

За первый пятилетний срок пребывания у власти ПСР инициировала ряд административно-правовых преобразований, в результате которых курды получили не только гарантии защиты базовых гражданских прав, но и возможности легального использования родного языка в повседневной жизни. Последнее также соотносилось с требованиями, предъявляемыми к претендентам на членство в ЕС. И именно этот критерий - «уважение и защита национальных меньшинств» - вселял в турецких курдов надежду на успешное продолжение своей борьбы с турецким правительством.

К середине 2000-х годов гарантий защиты базовых прав для курдов оказалось уже явно недостаточно, и они потребовали не только индивидуальных, но и групповых прав - возможность получать образование на родном языке и давать своим детям курдские имена, в написании которых фигурировали бы, отсутствовавшие в турецком алфавите, буквы (*‘ldquo;q’rdquo;*, *‘ldquo;x’rdquo;* и *‘ldquo;w’rdquo;*), возвращение исторических названий городам и географическим областям, тюркизированным в 1920 - 1930-е годы, и т. п. [2]

Общеввропейские конвенции - такие как Европейская хартия региональных языков 1992 г. или Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г. [3], принять которые надлежало всем претендентам на членство в ЕС, - должны были предоставить турецким курдам новые возможности для мобилизации. И курдские политики старались максимально задействовать существующие каналы давления на турецкое правительство -

через Европейский суд, посредством обращений в СМИ к чиновникам Евросоюза и т. д.

Однако, к тому времени отношение к курдам в Европе обрело несколько иные черты. Однозначного осуждения турецкой политики, характерного для 1990-х годов, уже не наблюдалось. И Турция, и Европа за десятилетие постбиполярного мира серьезно изменились. Хотя практика нарушений прав человека в курдских районах по-прежнему продолжалась, в глазах Евросоюза Турция, усилия которой по приведению административно-политической системы и законодательства в соответствие с европейскими нормами расценивались достаточно позитивно, выглядела совсем по-другому.

Теперь курды уже не могли систематически инициировать судебные иски против турецкого правительства в Европейском суде, который довольно спокойно смотрел на процессуальные нарушения внутри неевропейских стран. Да и содержание новых исков, с которыми курдские активисты обращались в Страсбург, разительно изменилось: это были не факты внесудебного преследования, политических убийств и расправ, а требования снизить 10-процентный барьер для прохождения в парламент или снять запрет на общетурецкое употребление букв из алфавита курдских языков и т. п. Во второй половине 2000-х годов эти иски большей частью были отклонены. Новая политическая конъюнктура, сложившаяся в странах Евросоюза и в целом на Западе, не позволила курдским правозащитникам обосновать свои претензии на признание прав на культурную и групповую автономию в соответствии с нормами европейских конвенций. Однако еще важнее было то, что события 2000-х годов отчетливо показали: поддержка турецких курдов со стороны ЕС носит весьма ограниченный характер и курдские правозащитники практически исчерпали свой лимит.

Политическая активность турецких курдов в 2000-е годы

Первое десятилетие 2000-х годов показало явное несоответствие запросов турецких курдов по отношению к Западу и способности, а в некоторых случаях и желание, Евросоюза поддерживать курдов в их борьбе с турецким правительством. Разочарование в возможностях внешней помощи заставило курдских активистов искать другие пути. И если 1990-е годы можно охарактеризовать как период, когда легальную борьбу курды стремились вести в судах, по преимуществу международных, то 2000-е годы стали временем активизации политической борьбы на национальном уровне. Отчасти, это было результатом крушения надежд на перемены, о которых постоянно говорила правящая Партия справедливости и развития. Инициированный ПСР «демократический транзит» в краткосрочной перспективе не сулил кардинальных перемен для курдов - административно-правовая и конституционная реформа шли с минимальным учетом их интересов.

В 2007 г. курдские политики впервые прошли в парламент, набрав достаточное количество голосов по одномандатным округам, на которые не распространяется общенациональный барьер в 10%. 22 человека [1] от прокурдской Партии демократического общества (ПДО), закрытой по решению Конституционного суда в декабре 2009 г. за «связи с террористическими организациями и деятельность, подрывающую неделимое единство турецкого государства и нации», получили мандаты депутатов. Более того, по итогам муниципальных выборов 2009 г. ПДО получила контроль над ключевыми муниципалитетами на юго-востоке Турции: Осман Байдемир стал мэром «большого» Диярбакыра, кандидаты от партии возглавили 96 муниципалитетов и 9 местных законодательных собраний.

В 2011 г., следуя этой же стратегии, перенявшая эстафету у ПДО Партия мира и демократии, официально не допущенная к участию в выборах, смогла провести через одномандатные округа 36 своих кандидатов [3] - причем не только из курдских илей, но и из средиземноморских провинций и Стамбула.

Получив доступ к реальной власти на местах, курдские политики постарались расширить установленные ПСР рамки гражданских свобод и демократического процесса через кампании гражданского неповиновения на местном и общенациональном уровне. На территории подконтрольных курдам муниципалитетов стали устанавливаться порядки, явно противоречащие турецкому законодательству. Так, наравне с турецким языком официально начали использовать курманджи, заза (диалекты курдского языка). При принятии на гражданскую службу стали требовать владение курдским языком (поскольку местные администрации принимали обращения от граждан на курдском языке), ряду областей и населенных пунктов возвратили курдские наименования. В знак протеста против политики Управления по делам религии, запретившего проводить службы в мечетях на курдском языке, ПМД инициировала проведение специальных пятничных молитв на курманджи и заза.

Осенью 2012 г., отчаявшись добиться успеха в продвижении своих поправок в готовящийся текст новой конституции, курды организовали новую кампанию гражданского неповиновения. Они протестовали против отказа судов, рассматривающих дела активистов Ассоциации обществ Курдистана, разрешить обвиняемым выступать в суде на курдском языке. 12 сентября 2012 г. 63 заключенных по делам Ассоциации объявили голодовку, к которой только за первый месяц присоединились более 600 человек. Протестующие выдвинули три основных требования: смягчить условия содержания Абдуллы Оджалана, предоставить возможность получать образование на курдском языке и разрешить использование курдского языка в судебных процессах.

Продолжительность голодовки (рекордной по массовости), участие в протестах депутатов от ПМД и известных курдских политиков - все это способствовало тому, что правительство на официальном уровне признало наличие проблемы. Вскоре, после широкой огласки происходящего в СМИ, министр юстиции Садуллах Ергин публично заявил о подготовке закона, предоставляющего курдам право использовать родной язык в процессуальной практике[3].

Новые инициативы урегулирования курдского вопроса: ставка на Абдуллу Оджалана

После заявлений бессменного лидера РПК в декабре 2012 г. премьер-министр Эрдоган публично подтвердил слухи о закрытых переговорах Национальной разведывательной организации с Абдуллой Оджаланом. Фактическое начало нового этапа урегулирования курдского конфликта - следствие целого ряда как очевидных и известных, так и не слишком афишируемых политических и социально-экономических факторов.

Общераспространенная точка зрения состоит в том, что курдская проблема крайне негативно отражается на экономическом развитии Турции, девальвирует достижения Анкары в сфере развития демократии и совершенствования административно-правовой системы, подрывает потенциал регионального лидерства, ограничивает внешнеполитические инициативы [3].

В 2002 г., когда ПСР только пришла к власти, курдское сопротивление находилось в фазе слабой активности, что позволяло правительству не оглядываться на курдов в своей политике. В 2004-2007 гг. наступило обострение конфликта, однако, показатели экономического роста Турции не снизились, а ПСР продолжила консолидировать власть и наращивать электоральный потенциал. Более того, несмотря на активную фазу конфликта и возросшее число войсковых операций против РПК, ПСР удалось практически парализовать политическую активность армии - в противостоянии военной элиты и правительства наступил явный перелом в пользу правящей партии. Таким образом, курдский фактор не

мешал ПСР более десяти лет удерживать власть и даже не препятствовал процветанию партии все 2000-е годы. Почему же ПСР в середине своего третьего срока столь озаботилась курдской проблемой?

Действительно, уверенное лидирование на трех последних парламентских выборах (2002, 2007 и 2011 гг.), успех на муниципальных выборах 2004 и 2009 гг. и референдумах по конституционным поправкам - все это позволило ПСР укрепиться в качестве правящей силы вопреки обострению ряда внутривнутриполитических проблем. Однако, если на выборах 2004 и 2007 г. ПСР смогла обеспечить себе поддержку со стороны курдов, то в последующие годы - на муниципальных выборах 2009 г. и парламентских 2011 г. - на фоне разочарований в обещаниях Эрдогана показатели правящей партии в курдских районах ощутимо снизились.

Проблема роста курдского национализма несет в себе угрозы и для внешнеполитических инициатив ПСР, в том числе для модели региональной безопасности, выстраиваемой правительством Эрдогана.

На сегодняшний день Анкаре удалось установить довольно хорошие отношения с правительством Иракского Курдистана, в которых можно выделить, по крайней мере, три базисных составляющих, сочетающих экономические выгоды и политические расчеты. Во-первых, торговля с Иракским Курдистаном позволяет оживить экономическую жизнь курдских районов Турции. Во-вторых, Турция строит совместно с Иракским Курдистаном новый трубопровод для создания независимого коридора по транспортировке иракской нефти и газа. Это должно стать залогом экономической самостоятельности Иракского Курдистана и удовлетворить растущие потребности Турции в энергоресурсах [3]. Наконец, налаживая взаимовыгодные экономические отношения и дружеские контакты с правительством Масуда Барзани, ПСР рассчитывает на снижение привлекательности и, соответственно, социальной поддержки радикального курдского национализма, как в самой Турции, так и в пограничных районах Ирака и Сирии.

С сирийскими курдами и их главной политической силой - Партией демократического союза - у ПСР сложились довольно напряженные отношения, резко обострившиеся в ходе сирийского кризиса. Хотя сирийские курды не контролируют богатых природных ресурсов и достаточно рассеяны по территории Сирии, их активность в гражданской войне оппозиции и правительственных сил, поддерживающих режим Башара Асада, - очевидный фактор дестабилизации ситуации в курдских районах Турции.

В долгосрочной перспективе турецкие курды вряд ли удовлетворятся подчиненным статусом в составе Турции, если их сирийские и иракские соплеменники получают широкую политическую и культурную автономию. С этой точки зрения сотрудничество с Барзани дает правительству Эрдогана возможности конкурировать с РПК в борьбе за симпатии курдов.

В совокупности электоральные, социально-политические и геополитические расчеты могут объяснить активность ПСР на курдском направлении. Однако, остается вопрос о механизмах реализации новой курдской инициативы: почему ключевым игроком в нем ПСР сделала Абдуллу Оджалана, с которым правительство стало активно работать в конце 2012 г.? Ведь с момента активизации войсковых операций против курдов летом 2011 г. лидер турецких курдов был практически полностью отрезан от внешнего мира, а разговоры журналистов о его возможном переводе на домашний арест вызывали крайне негативную реакцию премьера Эрдогана, неустанно повторявшего, что правительство не допустит выхода Оджалана из тюрьмы.

Однако, неожиданному сближению режима ПСР с Оджаланом тоже можно найти объективные предпосылки и объяснения. Авторитет Оджалана за 14 лет пребывания в заключении остался высоким. Достаточно вспомнить, события осени 2012 г., когда 12 сентября группа заключенных-курдов объявила о начале акции протеста. Хотя к бессрочной голодовке очень быстро присоединились сотни политических узников, все они вняли призыву Оджалана прекратить протесты в конце ноября. Тем самым, Оджалан публично доказал не просто, что его влияние на политическое движение курдов по-прежнему велико, но главное - за Оджаланом готово пойти большинство курдов. Вероятно, длительное заключение курдского лидера наложило отпечаток на его личность. Во время встречи депутатов от курдской ПМД с Оджаланом в феврале 2013 г. лидер курдов жаловался на возраст (ему 65 лет) и близость смерти [3]. По-видимому, для него теперь существуют не только интересы курдского движения, но и свои личные, и иногда эти интересы могут не совпадать.

Многие годы курдские националисты создавали Оджалану ореол борца и мученика, делали его символом курдского сопротивления, постоянно подчеркивали его непререкаемый авторитет и право представлять интересы турецких курдов. И теперь правительство Эрдогана использует особое положение Оджалана в иерархии курдской политики, полагая, что курдские националисты теперь уже сами стали заложниками своих символов. Начав переговоры непосредственно с ним, правительство рассчитывает добиться больших уступок, чем в диалоге с другими представителями курдского движения. Как показали попавшие в руки турецких журналистов записи бесед Оджалана с депутатами ПМД 23 февраля 2013 г., курдский лидер демонстрирует готовность удовлетвориться обещаниями правительства учесть интересы курдов в рамках новой конституции.

Заключение

В настоящее время политические конфликты стали весьма традиционным явлением в общественно-политической жизни многих стран. В ряде таких конфликтов особое место занимает проблема обретения курдским народом национальной независимости, которая стала самым крупным неразрешенным межэтническим конфликтом на территории Турции, получившим широкий международный резонанс. В 2014г. беспорядки с участием курдов в Турции прошли в 35 провинциях республики.

Курдский вопрос в Турции, по крайней мере, в течение последнего десятилетия, выходит за рамки узкого страноведческого интереса, став на определенном этапе фактором нестабильности во всем ближневосточном регионе. Способы же политического урегулирования острых межэтнических конфликтов, перешедших в стадию вооруженной борьбы, имеют сейчас чрезвычайно важное значение.

Курдский кризис является мощным дестабилизирующим фактором внутренней жизни Турции. При этом экономическая неразвитость восточных регионов страны, наличие маргинальных слоев, постоянная миграция населения в западные провинции, недовольство существующей экономической ситуацией во многом влияют и на политические взгляды живущего здесь населения.

Литература:

1. *Вертяев К.В.* Курдский вопрос в политике Турции (конец XX - начало XXI века). Москва, ИБВ, 2007.
2. *Гасратян М. А.* Курдская проблема в Турции. Издательство: Наука, 1975.
3. Интернет ресурсы: <http://www.firatnews.com/>

Источники и литература

- 1) <http://www.firatnews.com/>
- 2) <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1499307>